

Политика Южной Кореи в сфере торговли и стратегия страны в отношении региональных и глобальных инициатив экономической интеграции на примере Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹

С.Ч. Пак

Пак Санг-Чул — профессор Высшей школы наукоемких технологий и энергетики, Политехнический университет Республики Корея; 2121 Jeongwang-Dong, Siheung-City, Kyonggi-Do, 429-793, Korea; E-mail: scpark@kpu.ac.kr

Начиная с 1960-х годов Южная Корея развивается быстрыми темпами. Страна является одним из четырех «азиатских тигров», образцовой моделью для развивающихся экономик. Южная Корея продемонстрировала миру, что развивающаяся страна может обеспечить быстрый рост своей экономики и стать индустриальной державой. Стратегия развития страны преимущественно опиралась на экспортно ориентированную торговую политику. В результате объем торговли страны вырос с 1 млрд долл. США в 1966 г. до 1 трлн долл. США в 2011 г., т.е. в 1000 раз за пять десятилетий. С 2011 г. Корея стала одной из семи стран, объем торговли которых превышает 1 трлн долл. США. Однако на протяжении рассматриваемого периода в экономике Кореи наблюдались не только позитивные, но и кризисные тенденции. Страна столкнулась с рядом серьезных экономических кризисов, таких как Азиатский финансовый кризис 1997 г. и глобальный финансовый кризис 2008 г. Экономика оставалась крайне уязвимой перед внешними экономическими условиями, хотя после глобального финансового кризиса она в определенной степени укрепилась. В ходе двух экономических кризисов правительство страны реализовывало продуманную торговую политику и стратегические подходы, для того чтобы улучшить структуру производства и повысить конкурентоспособность страны на глобальных рынках.

В данной статье рассматривается торговая политика Южной Кореи и стратегия страны на протяжении последних пяти десятилетий и их вклад в развитие национальной экономики. Также в статье изучается вопрос о том, как правительство определило стратегические ориентиры в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Правительство страны рассматривает два мегасоглашения о свободной торговле (ССТ) (ВРЭП и ТТП) как новые возможности для дальнейшего развития Кореи. Вследствие этого автор полагает важным проанализировать данные региональные ССТ, чтобы страна могла извлечь из них максимальную выгоду.

Ключевые слова: торговая политика; стратегия развития; соглашение о свободной торговле (ССТ); Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП); Транстихоокеанское партнерство (ТТП)

---

¹ Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

Данная работа выполнена при поддержке Национального исследовательского фонда при Правительстве Кореи (NRF 2015S1A3A2046684).

Перевод выполнен Е.А. Сафонкиной, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Введение

В 2014 г. Корея занимала 5-е место по объему экспорта и 6-е место по объему импорта в мире, причем в период с 1995 по 2014 г. наблюдался значительный рост экспорта: с 29 до 54% ВВП. Подобные быстрые темпы роста экспорта способствовали переходу Республики Корея от страны с низким уровнем дохода к промышленно развитой экономике менее чем за 50 лет. Объем торговли в 2011 г. превысил 1 трлн долл. США. С этого момента Корея присоединилась к группе стран с объемом торговли более 1 трлн долл. США наряду с Китаем, США, Германией, Японией, Великобританией, Францией, Италией и Нидерландами. Страна стала 9-й в мировой торговле [WTO, 2015].

Подобный успех определили четыре фактора. Во-первых, Корея обеспечила благоприятные условия для ведения бизнеса, прежде всего за счет сдерживания налоговой нагрузки, которая является одной из самых низких среди стран ОЭСР. Во-вторых, начиная с 1960-х годов правительство реализовывало продуманную политику по продвижению экспорта, признавая его важность, в то время как многие развивающиеся страны в своих стратегиях развития опирались на импортозамещение. Рассматривая экспорт в качестве одного из драйверов роста, Корея была активно вовлечена в переговоры о заключении соглашений о свободной торговле (ССТ) с развитыми и развивающимися странами. В-третьих, Корея смогла воспользоваться соседством с Японией и Китаем, привлекая японские инвестиции и инвестируя в китайский рынок. Не менее важно, что Корея диверсифицировала свое присутствие на глобальных рынках [World Bank, 2010, 2012]. В 2009 г., сразу после глобального финансового кризиса, Китай обеспечивал свыше 85% роста экспорта Кореи. А в 2014 г. 25,4% корейского экспорта направлялось в Китай, 12,3% — в США, 9,1% — в ЕС и 5,6% — в Японию. Диверсификация рынков и экспортируемых товаров позволила Корее выйти на первое место по темпам роста экспорта среди стран ОЭСР в 2009 г.² [European Commission, 2016].

В 1960–1970-е годы правительство Кореи реализовало торговую и промышленную политику, направленную на стимулирование роста экспорта [Frank et al., 1975]. На протяжении 1980-х годов правительство перешло от политики, направляемой государством, к политике, опирающейся на либерализацию и конкуренцию. Кроме того, в начале 1990-х годов правительство страны усилило работу по обеспечению открытости рынка, дерегуляции и свободы торговли. В 2000-е годы национальная политика Кореи также опиралась на принципы открытости рынка и содействия конкуренции и была направлена на ускорение торговой либерализации, в том числе посредством заключения соглашений о свободной торговле с развивающимися и развитыми экономиками мира [Noland, 2007; Todaro, Smith, 2012]. В результате начиная с 2000-х годов Корея более активно, чем какая-либо другая страна в мире, стала заключать соглашения о свободной торговле, которые легли в основу ее внешнеторговой политики [Lee, 2012; Solis, 2013].

В действительности политика Кореи в отношении соглашений о свободной торговле изначально была ответом на быстрое распространение преференциальных торговых соглашений в мире. Торговые переговоры страны опирались на оборонную стратегию, направленную на ограничение открытости рынка в чувствительных секторах промышленности. Впоследствии изменение политики Кореи в отношении соглашений о свободной торговле в сторону амбициозной торговой стратегии, включающей работу с крупнейшими экономическими партнерами, минимизацию недопущений

² Korea International Trade Association. Режим доступа: <http://stat.kita.net/stat/world/major/KoreaStats06.screen> (дата обращения: 20.10.2016).

и устранение нетарифных барьеров, было обусловлено институциональными изменениями в подходах к торговой политике, произошедшими в начале XXI в. Передача вопросов торговой политики Министерству иностранных дел и торговли (MOFAT)³ и эффективная координация работы министерств позволили Республике Корея стать центром международной торговли. В то же время торговая политика оставалась крайне чувствительным вопросом, и правительство страны делало все возможное для обеспечения большей инклюзивности, транспарентности и развития эффективной системы поддержки для секторов, находящихся в наименее благоприятных условиях.

После заключения соглашений о свободной торговле с тремя крупнейшими экономиками — США, Китаем и ЕС — Корея столкнулась с новой дилеммой: выбором между двумя мегаблоками — Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством (ВРЭП) и Транстихоокеанским партнерством (ТТП). Начало эры мегаторговых блоков может, с одной стороны, создать новые вызовы, а с другой — открыть для страны новые возможности, учитывая все более интенсивное усиление интеграции торговой системы Кореи на региональном и глобальном уровне. Кроме того, противостояние экономических супердержав — США и Китая — в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе может привести к негативным последствиям. В результате вопрос присоединения к мегаблокам стал одним из главных вопросов внешнеэкономической и торговой политики Кореи.

Данная статья опирается на практический подход к стратегии и политическому анализу в отличие от изучения теорий и концепций глобальной торговли. Основная задача, которую ставят перед собой авторы статьи, состоит в том, чтобы понять, каким образом Республика Корея использовала торговые стратегии в качестве инструментов обеспечения экономического роста. Авторы задаются вопросом, какую роль сыграла торговая политика в устранении последствий глобального финансового кризиса 2008 г. и кризиса суверенного долга ЕС 2011 г. Кроме того, в статье исследуется, какие стратегии реализовывало правительство страны для обеспечения экономического роста в период после глобального финансового кризиса. Наконец, что не менее важно, в статье предпринята попытка найти ответ на вопрос о том, как страна может извлечь максимальную выгоду в своем выборе между ВРЭП и ТТП.

Тенденции развития глобальной торговли после глобального финансового кризиса

История вопроса

Глобальный финансовый кризис 2008 г. оказал серьезное негативное влияние на мировую экономику. Международный валютный фонд (МВФ) прогнозировал, что глобальная экономическая активность снизится до 0,5–1% в 2009 г., тем самым продемонстрировав самый низкий показатель мирового экономического роста за последние 60 лет. В большинстве стран мира наблюдался одновременный экономический спад. Развитые экономики Северной Америки, ЕС и Япония вступили в фазу рецессии, а в развивающихся странах наблюдалось значительное снижение темпов экономического роста. На фондовых рынках подобный спад экономической активности был оценен в триллионы долларов США убытков, а резкое ограничение кредитов повлияло не

³ MOFAT отвечало за вопросы торговой политики в период правительственного срока Ро Мо Хуна (2003–2008) и Ли Мён Бака (2008–2013). Новое правительство Пак Кын Хе в 2013 г. передало торговую политику в ведение Министерства торговли, промышленности и энергетики (MOTIE).

только на домохозяйства и международный бизнес, но также на мировую торговлю и нефтепоисковые работы [IMF, 2010; Nanto, 2009].

Глобальный финансовый кризис оказал негативное воздействие на мировой рынок труда. Международная организация труда (МОТ) сообщала, что число безработных в 2008 г. выросло до 14 млн человек после четырех лет последовательного снижения мировой безработицы. Более того, прогнозировалось, что число безработных может вырасти по крайней мере до 38 млн человек к концу 2009 г. из-за продолжения финансового кризиса [ILO, 2009]. Глобальный финансовый кризис в значительной степени повлиял на экспорт товаров и услуг. Экспорт товаров и услуг обеспечивает валютный резерв для стран-экспортеров, который позволяет им расплачиваться за импорт и выплачивать внешний долг. Торговый дефицит обычно снижает стоимость валюты в стране с дефицитом платежного баланса, что приводит к увеличению стоимости долга для правительств, бизнеса и домохозяйств, выплачивающих кредиты в иностранной валюте. В феврале 2009 г. по сравнению с предыдущим годом экспорт в развитых странах и странах с формирующейся экономикой, по оценкам специалистов, снизился почти на 25%, а в развивающихся экономиках — более чем на треть. Это стало исторической точкой в падении объема торговли, которое привело к сокращению международной торговли, более низким темпам глобального экономического роста и увеличению бедности во всем мире. Данная негативная тенденция начала меняться в лучшую сторону в 2010 г. благодаря реализации нетрадиционной монетарной политики в крупнейших экономиках. Тенденция продолжалась недолго. С 2011 г. темпы роста торговли и ВВП были ниже, чем средний темп роста экспорта и ВВП в 2007–2014 гг. [Nanto, 2009; WTO, 2015] (рис. 1).

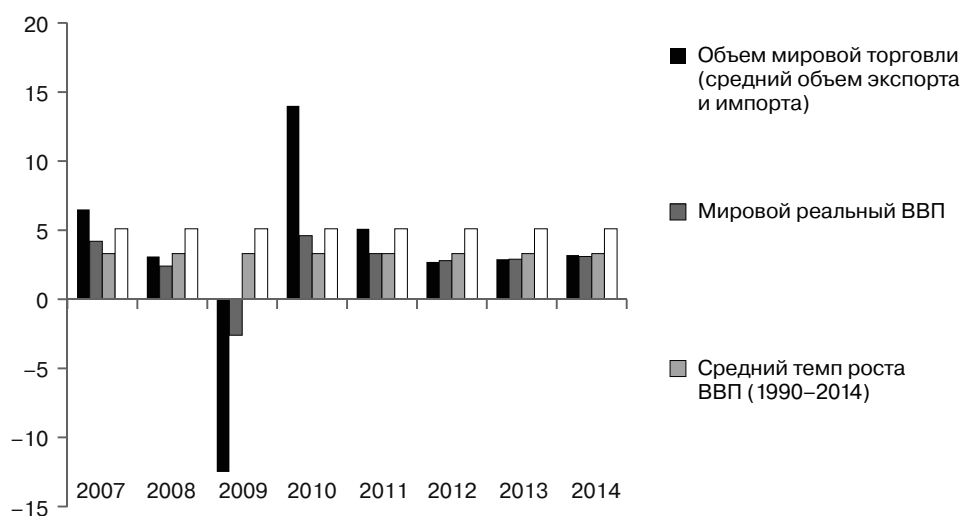

Рис. 1. Глобальные тенденции роста мировой торговли и ВВП, 2007–2014 гг., %

Источник: [WTO, 2015].

Тенденции развития глобальной торговли

Глобальный финансовый кризис усилил антиглобализационные настроения и привел к появлению противников либерализации торговли, опирающихся на неоли-

берализм. В этих условиях многие страны стали стремиться к сокращению импорта и введению иных торговых ограничений. В результате лидеры и министры финансов и главы центральных банков стран — членов «Группы двадцати» согласились противодействовать протекционизму во всех его формах и поддерживать открытую торговлю. Несмотря на конкретное политическое и экономическое обязательство ведущих экономик мира, Всемирная торговая организация (ВТО) отметила тенденцию увеличения торгового протекционизма в результате усиливающегося глобального экономического кризиса. В наиболее тяжелый период кризиса — с сентября 2008 г. по март 2009 г. — 23 страны ввели 85 новых торговых мер [WTO, 2009]. В большинстве случаев принятые меры носили ограничительный характер, однако некоторые из них соответствовали принципам торговой либерализации. Наибольшее число мер было введено Индией, ЕС, Китаем, Индонезией и Россией. Несложно заметить, что введенные меры имели своей целью повысить стоимость лицензий на импорт, торговые пошлины, дополнительные сборы и т.д. Кроме того, выросло число антидемпинговых расследований [Ahearn, 2009; Nanto, 2009].

В действительности протекционизм, или политика «разори соседа», основанная на монетарной политике, ограничивался правилами ВТО. Несмотря на наличие подобной системы регулирования, основанной на правилах и обязательствах в рамках ВТО, наблюдалась отчетливая тенденция к повышению тарифов среди стран — членов ВТО до такого высокого уровня, что мировая торговля могла снизиться на более чем 8%, а глобальное благосостояние — на более чем 350 млрд долл. США [WTO, 2009]. По этой причине ведущие экономики мира попытались придерживаться правил ВТО, чтобы предотвратить повторение Великой депрессии 1930-х годов, когда распространение протекционистских торговых мер привело к глобальному экономическому спаду [UNCTAD, 2010].

В разгар глобального финансового кризиса все лидеры стран — членов «Группы двадцати» подчеркивали, что завершение Дохийского раунда переговоров может сыграть ключевую роль для развития мировой экономики. С учетом этого на саммите в Вашингтоне в 2008 г. лидеры «двадцатки» обязались договориться об условиях, которые приведут к успешной реализации Дохинской повестки дня в области развития с амбициозными и сбалансированными результатами⁴. В ходе последующих саммитов «Группы двадцати» и других международных встреч это обязательство продолжало сохраняться. Однако, к сожалению, завершение реализации Дохинской повестки дня в области развития затянулось до декабря 2013 г. Наконец, в декабре 2013 г. министры стран — членов ВТО смогли согласовать Балийский пакет, который ознаменовал собой первое многостороннее торговое соглашение, одобренное членами ВТО, с момента создания организации в 1995 г. Итоговое соглашение включает три блока: упрощение условий торговли, ряд сельскохозяйственных вопросов и ряд положений в сфере развития [Bendini, 2013].

Вследствие долгого процесса согласования Дохинской повестки дня в области развития число двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле в период с 2005 по 2010 г. значительно увеличилось. В 2013 г. число двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле, нотифицированных в ВТО, составило 546. Причем, согласно докладу ВТО, 241 вступило в силу, в то время как в отношении 305 велись

⁴ Декларация саммита «Группы двадцати» по финансовым рынкам и мировой экономике. Вашингтон, ноябрь 2008 г.

переговоры⁵. Данная тенденция показывает, что глобальное бизнес-сообщество рассматривало двусторонние и региональные соглашения о свободной торговле как более эффективные механизмы открытия рынка, нежели многосторонние торговые переговоры. ЕС и США являются ключевыми игроками в двусторонних и региональных ССТ, за ними следуют страны Восточной и Южной Азии. ЕС является участником 27 ССТ, 17 из которых вступили в силу после 2000 г., США – 9 двусторонних ССТ, восемь из которых вступили в силу после 2000 г. В Восточной и Южной Азии большое число ССТ находятся в стадии переговоров. Ведущие страны и страны с формирующейся экономикой региона, такие как Китай, Индия, Япония и Корея, вовлечены в переговоры о ССТ друг с другом, которые в случае их завершения в значительной степени повлияют не только на регион, но и на всю мировую экономику. Кроме того, в Азиатско-Тихоокеанском регионе сформировались два мегасоглашения, конкурирующих друг с другом: Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Транстихоокеанское партнерство. Первое было инициировано Китаем, формирование второго осуществлялось под руководством США. Оба мегасоглашения начнут действовать в ближайшем будущем. Это означает, что процесс заключения двусторонних и региональных ССТ продолжается в силу их эффективности, несмотря на согласование Дохинской повестки дня в области развития в 2013 г. [UNCTAD, 2010; Basu Das, 2013].

Существуют четыре основные причины, обусловившие недавнее увеличение числа двусторонних и региональных ССТ. Во-первых, они направлены на реализацию практических задач. ССТ может быть более выгодным, чем многостороннее торговое соглашение, поскольку страны, которые заключают ССТ, могут исключить из него чувствительные промышленные сектора. Более того, страны могут выбирать партнеров по соглашению, и существует возможность адаптации текста соглашения в соответствии со специфическими потребностями стран-участниц.

Во-вторых, увеличение числа ССТ было обусловлено распространением, прежде всего в странах Азии, концепции конкурентной либерализации. В практическом плане одно масштабное ССТ, открывающее рынок, может изменить торговую политику страны как в отношении секторов, конкурентных импорту, так и экспортеров, что может позволить правительствам снизить внутренние тарифы в обмен на открытие рынков в странах-партнерах. В основе концепции конкурентной либерализации лежит принцип взаимной выгоды. Таким образом, конкурентная либерализация приносит большие результаты в рамках ССТ, нежели в рамках многосторонних соглашений. Кроме того, открытие рынков партнерами по ССТ более прозрачное и быстрое, нежели в случае многосторонних торговых соглашений, особенно если в них участвуют такие крупные торговые партнеры, как Китай и Индия [Bergsten, 1997; Baldwin, 2006].

В-третьих, развивающиеся страны могут рассматривать ССТ как подходящий механизм для привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) не только из стран – партнеров по ССТ, но и других крупнейших экономик, не участвующих в ССТ [UNCTAD, 2010].

Что не менее важно, ССТ может сыграть важную роль в процессе регулирования торговли и инвестиций между партнерами, что стимулирует процессы региональной интеграции в регионе Восточной Азии. Восточноазиатские ССТ систематизируют интегрированные производственные сети, уже действующие в регионе, которые уже связаны за счет расширения потоков межрегиональной торговли и инвестиций. Это означает, что результаты региональной интеграции отчетливо прослеживаются на рынках,

⁵ The World Trade Report 2013. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report13_e.pdf (дата обращения: 08.11.2016).

а правительства стран-партнеров признают это и содействуют дальнейшей эволюции подобных соглашений [Hufbauer, Schott, 2007].

Распространение двусторонних и региональных ССТ определило новые тенденции в международной торговле. Вопрос о том, могут ли новые условия торговли нарушить справедливую и отвечающую интересам всех сторон многостороннюю торговую систему или нет, все еще обсуждается. По сравнению с регионализмом 1990-х годов, основанным на укреплении торговых блоков, таких как ЕС и Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), новый регионализм 2000-х годов имеет иную структуру. Первый характеризовался наличием региональных ССТ, в то время как второй — большим числом двусторонних ССТ. В результате почти все страны — члены ВТО стали участниками одного или более ССТ. Вследствие этого принцип страны, пользующейся режимом наибольшего благоприятствования в ВТО, постепенно стал исключением, нежели правилом [UNCTAD, 2010].

Начиная с 2013 г., когда большинство стран заключили двусторонние ССТ, в Азиатско-Тихоокеанском регионе можно наблюдать новую тенденцию. Две крупнейшие экономики (G-2) инициировали мегасоглашение, для того чтобы укрепить свои экономические интересы, поскольку регион обладает наибольшим потенциалом быстрого экономического роста в мире на ближайшие два десятилетия. В двух мегасоглашениях участвует множество стран, а потенциальные страны-участницы определили свои собственные экономические интересы. Корея не является исключением.

Стратегия Кореи в сфере торговой политики

Выработка торговой политики

На протяжении 1950-х годов политика экономического развития страны опиралась на импортозамещающую индустриализацию. Такая политика помогла защитить национальные отрасли промышленности, ориентированные на импортозамещение. Однако в то же время она препятствовала росту экспорта. Политика, ориентированная на развитие экспорта, начала реализовываться в 1960-е годы, когда в стране установился военный режим. Переход от политики импортозамещающей индустриализации к политике экономического развития, стимулируемого экспортом, стал существенным шагом. Хотя правительство страны изменило свою торговую политику, общий объем экспорта в 1966 г. насчитывал только 1 млрд долл. США, поскольку основные статьи экспорта составляли преимущественно сырьевые товары и товары легкой промышленности. На протяжении 1970-х годов правительство стало развивать тяжелую и химическую промышленность с целью увеличения объема экспорта. Правительство оказывало поддержку данным промышленным секторам, а также крупным компаниям, таким как Samsung и Hyundai, которые принимали участие в выработке политики и стали на тот момент конгломератами. Подобная политика представляла особый корейский подход к корпоратизму между правительством и частными компаниями и привела к высоким темпам экономического роста, а впоследствии легла в основу японской модели [Park, 1997, 2000; Park, Lee, 2004; Sakong, Koh, 2010].

В 1980-х годах правительство реализовывало политику всеобъемлющей либерализации, включая Пятилетний план по либерализации импорта (1983–1988 гг.). Благодаря реализации плана средний показатель импортных тарифов снизился с 23,7% в 1983 г. до 18,1% в 1988 г. В результате за тот же период показатель либерализации импорта увеличился с 80,3 до 95,2%. Данный показатель продолжил увеличиваться, составив

99% в 1995 г. Следующий шаг в сфере торговой политики был сделан правительством в 1980-х годах, когда произошел переход от политики, направляемой государством, к политике, опирающейся на либерализацию и конкуренцию, для того чтобы усилить структуру национальной промышленности. К моменту становления ВТО в 1995 г. Корея выработала устойчивую торговую политику, ориентированную на открытость рынка, дерегуляцию и свободную торговлю [Sakong, Koh, 2010; Lee, 2012].

Распространение региональных ССТ сыграло важную роль для обеспечения свободной торговли и либерализации в мире с 1980-х годов. Однако до Азиатского финансового кризиса 1997 г. Корея придавала большее значение многосторонней торговой системе, нежели двусторонним и региональным ССТ. Из-за кризиса 1997 г. Корею пришлось реализовать ряд структурных реформ в экономической сфере, в том числе направленных на либерализацию торговли [Todaro, Smith, 2012]. В результате Корея смогла извлечь выгоду из двусторонних и региональных ССТ, оказавших влияние на экономику в целом в ходе реализации структурных реформ. Более того, неспособность начать новый раунд многосторонних переговоров в Сиэтле в 1999 г. породила сомнения в отношении потенциала ВТО по обеспечению дальнейшей либерализации торговли. Вследствие этого правительства многих стран, включая Корею, начали вести переговоры о заключении двусторонних или региональных ССТ как механизма обеспечения безопасности их национальных экономик [Sakong, Koh, 2010].

Быстрое увеличение числа двусторонних и региональных ССТ стимулировало Корею и другие восточноазиатские страны к участию в них, для того чтобы избежать возможных негативных последствий торговой дискриминации, особенно начиная с 2000-х годов [Mansfield, Reinhardt, 2003]. Если бы Корея не изменила фокус своей торговой политики с многосторонних торговых соглашений на двусторонние и региональные ССТ, страна в краткосрочной перспективе могла потерять преимущества на мировом рынке, а в долгосрочной перспективе подобный выбор мог значительным образом повлиять на снижение потенциала экономического роста. Соответственно, Республика Корея выбрала двусторонние и региональные ССТ как инструменты политики для повышения конкурентоспособности национальной промышленности и экономики для укрепления позиций на глобальном рынке [Lee, 2012; Solis, 2013] (рис. 2).

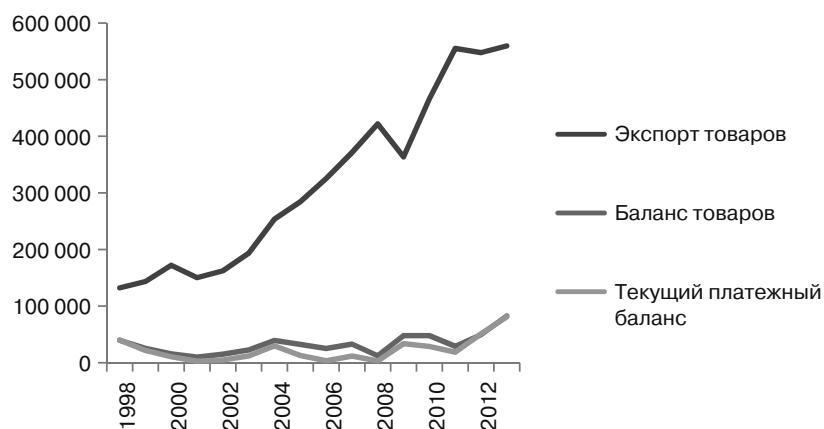

Рис. 2. Тенденции роста экспорта после заключения ССТ, 1998–2013 гг., млн долл. США

Источник: [Bank of Korea, 2014].

Двусторонние и региональные ССТ как стратегия торговой политики

Первые в истории Кореи переговоры о заключении двустороннего соглашения о свободной торговле начались с Чили в 1999 г. и завершились в октябре 2002 г. Подписание соглашения было призвано заложить основу для широкой системы ССТ и нарастить опыт подобных переговоров. Корея начала переговоры о заключении ССТ именно с Чили, поскольку в силу значительной географической отдаленности стран друг от друга смена погодных условий по временам года происходит в противоположных направлениях, что помогает смягчить последствия роста импорта сельскохозяйственных товаров. Несмотря на подобные политические и экономические соображения, ССТ с Чили вызвало негативные настроения, особенно среди фермеров и других групп населения, так как ССТ затрагивало их интересы, и они препятствовали другим подобным переговорам. Тем не менее наличие данного политического барьера не помешало правительству страны принять «дорожную карту» ССТ как один из элементов национальной стратегии экономического развития. В результате Корея вступила в переговоры о заключении ССТ с Сингапуром в 2003 г. и Европейской зоной свободной торговли (EFTA) в 2004 г. [Park, Koo, 2008; Ahn, 2010].

В основе «дорожной карты» о ССТ лежали два важных принципа. Во-первых, заключение большого количества ССТ за короткий период было призвано способствовать восстановлению конкурентоспособности Кореи на глобальном рынке и снизить потери от неиспользованных возможностей для корейских компаний⁶. Во-вторых, «дорожная карта» о ССТ предполагала проведение многоуровневых и параллельных переговоров о заключении ССТ с крупными экономиками, такими как США и ЕС. Это было обусловлено стремлением повысить экономические выгоды и в то же время минимизировать издержки переговоров о ССТ. С учетом двух обозначенных выше принципов реализация положений карты была направлена на заключение всеобъемлющих и эффективных ССТ, охватывающих различные сектора [Lee, 2012].

Благодаря «дорожной карте» к концу 2015 г. были ратифицированы и вошли в силу 14 ССТ. Доля экспортной торговли со странами-партнерами, с которыми были заключены ССТ, в 2015 г. составила 67% в общем объеме экспорта. В настоящее время ведутся переговоры о заключении еще семи ССТ. В целом по состоянию на конец 2015 г. Корея заключила или находилась в процессе переговоров о ССТ с 21 экономикой мира. Доля экспорта с 12 странами-партнерами по переговорам о ССТ в 2013 г. достигла 56,1% в общем объеме экспорта, а доля экспорта с 21 торговым партнером — 77,6% в общем объеме экспорта. Все эти страны являются крупнейшими торговыми партнерами Кореи [Insitute for International Trade, 2015].

Действительно, после заключения ССТ с крупнейшими экономиками, такими как ЕС, США и Индия, а также с развивающимися экономиками, такими как Чили, страны АСЕАН, Турция и ряд других, и завершения переговоров по ВРЭП и ТТП объем торговли Кореи непрерывно возрастает. В 2010 г. доля торговли Кореи с партнерами по ССТ в сравнении с общим объемом торговли составляла только 14,6%. Эта доля была намного ниже среднемирового показателя, составляющего 49,2%. Однако годом позже, после подписания соглашения о ССТ с ЕС и Перу, доля торговли Кореи с партнерами по ССТ выросла до 27,4%. В указанный период экспорт Кореи в страны — партнеры по ССТ составил 166,8 млрд долл. США, а импорт из них в Корею — 129,4 млрд долл.

⁶ Издержки неиспользованных возможностей для корейских компаний рассматривались как растущие убытки на рынках стран, с которыми Корея не заключила ССТ.

США. Данные показывают, что торговый профицит Кореи с партнерами по ССТ составил более 37 млрд долл. США [КИТА, 2012].

Наиболее запоминающимися стали торговые переговоры Кореи с США в 2007 г., которые были восприняты гражданами Кореи как крайне противоречивые, учитывая, что правительство Ро Мо Хуна рассматривалось как прогрессивное⁷. Несмотря на подобную политическую философию, политика правительства была направлена на стимулирование экономического роста посредством торговых стратегий. По этой причине правительство страны инициировало выработку «дорожной карты» о ССТ в 2003 г. [Lee, 2012]. Соглашение о свободной торговле между Кореей и США было ратифицировано и вступило в силу в марте 2012 г. После заключения ССТ с США Корея смогла увеличить свой экспорт на рынок США, в то время как импорт из США немного снизился, несмотря на ослабление темпов экономического роста в Китае и углубление кризиса еврозоны в 2012 г. Несмотря на подобные глобальные экономические условия, объем торговли Кореи с США постепенно увеличивался. В результате в том же году вырос торговый профицит Кореи с США. Подобная тенденция демонстрирует, что Корея получила большую выгоду от ССТ, чем США [Cooper et al., 2013].

Сразу после переговоров с США Республика Корея в мае 2007 г. начала активные переговоры с ЕС — второй крупнейшей экономикой. После восьми официальных раундов переговоров в октябре 2009 г. ССТ было парафировано, а в сентябре 2010 г. — одобрено обеими сторонами. Официальное подписание соглашения состоялось в октябре 2010 г. на саммите ЕС — Республика Корея в Брюсселе. Парламенты ЕС и Кореи ратифицировали соглашение в 2011 г., и с июля 2011 г. оно вступило в силу [Song, 2011]. По сравнению с ССТ с США, ССТ с ЕС вызвало меньше сопротивления, за исключением сельскохозяйственного сектора. ССТ ЕС — Корея является крупнейшим ССТ с момента заключения НАФТА в 1994 г. В 2012 г. ЕС был третьим крупнейшим партнером Кореи как с точки зрения импорта, так и экспорта [European Commission, 2014].

В Корее ССТ с ЕС рассматривалось как крайне выгодное и наоборот. По мнению официальных лиц ЕС, союзу требовался надежный торговый партнер с устойчивой экономикой для расширения возможностей выхода европейских компаний на динамично развивающиеся и конкурентные рынки Восточной Азии. По оценкам, в 2011 г. ССТ Корея — ЕС способствовало увеличению торговли товарами и услугами на 19,1 млрд евро (или 24,9 млрд долл. США) для ЕС и 12,8 млрд евро (или 16,8 млрд долл. США) для Республики Корея. В 2012 г. экспорт товаров и услуг ЕС в Корею оценивался в 47,4 млрд евро, в то время как экспорт Кореи в страны — члены ЕС — в 42,6 млрд евро [European Commission, 2011, 2014] (рис. 3).

Стратегия заключения всеобъемлющих и эффективных ССТ

Корея является единственной азиатской страной, заключившей двусторонние ССТ с двумя крупнейшими экономиками мира — США и ЕС. После заключения ССТ с этими странами в 2012 и 2013 гг. наблюдался положительный торговый баланс с США и торговый дефицит с ЕС. Корея, будучи экономикой средней величины, активно развивала сотрудничество в рамках ССТ с двумя крупнейшими экономиками. Это было обусловлено тем, что страна нуждалась в двух крупнейших экономиках больше, чем они нуждались в Корее как рынке. В условиях неравномерной экономической взаимозависимости в 2013 г. США были третьим крупнейшим торговым партнером Кореи,

⁷ Прогрессивное правительство реализовывало пассивную политику в отношении ССТ. Однако правительство Ро Мо Хуна придерживалось активных подходов в отношении заключения ССТ.

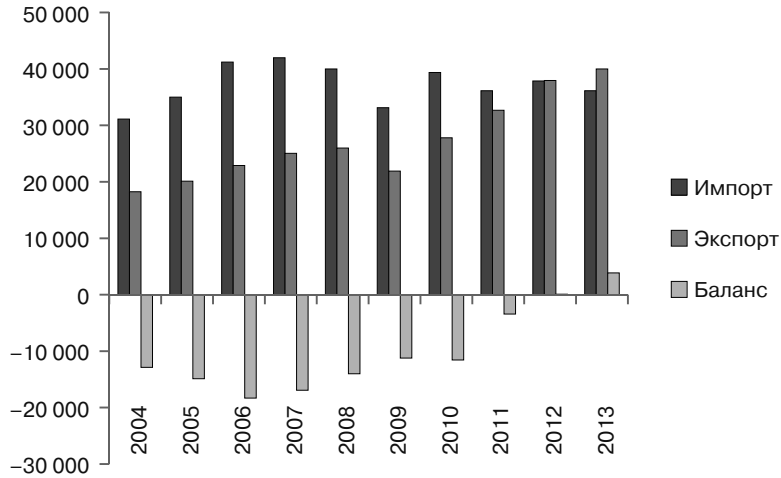

Рис. 3. Торговые потоки ЕС и баланс торговли товарами с Кореей (2004–2013 гг., млн евро)

Источник: [European Commission, 2014].

занимая второе место по объему экспорта и четвертое место по объему импорта в торговом обороте страны, в то время как в торговом обороте США Корея занимала седьмое место, восьмое — по экспорту и шестое — по импорту [US Department of Commerce, 2013; Bank of Korea, 2013; European Commission, 2014]. В том же году в торговом обороте Кореи ЕС был вторым по величине торговым партнером, занимая третье место по объему экспорта и импорта, в то время как Корея была восьмым по величине торговым партнером, занимая десятое место по объему экспорта и девятое — по объему импорта [European Commission, 2014; Bank of Korea, 2013]. Однако два этих крупных рынка не были ключевым приоритетом для Кореи, хотя и способствовали значительному расширению доступа на рынки, поскольку корейские экспортеры уже имели конкурентные преимущества на рынке бытовой электроники, автомобилей и т.д., в сферах, в которых они уже могли воспользоваться низкими или нулевыми тарифами. Стратегия Кореи по заключению ССТ с двумя крупнейшими экономиками в большей степени была направлена на сохранение доли страны на этих рынках, учитывая растущую конкуренцию со стороны производителей из других восточноазиатских стран, прежде всего Китая. Кроме того, Корея стремилась укрепить свои конкурентные преимущества на двух крупнейших рынках по отношению к Японии, поскольку отказ от тарифов в рамках ССТ создавал ценовые преимущества для корейских экспортеров [Cooper et al., 2013; European Commission, 2011].

Кроме того, дополнительное влияние двум данным экономикам придавали их собственные экономические блоки — НАФТА и Европейский союз, создающие неблагоприятные условия для стран-нечленов. Вследствие этого Корею было необходимо заключить ССТ с этими экономиками, независимо от наличия торгового дефицита. ССТ с этими экономиками рассматривались как стратегическая мера по расширению экономического сотрудничества в регионе, представляющем почти 50% мирового ВВП. Кроме того, общий объем торговли стал поступательно расти после заключения ССТ с девятью странами-партнерами. Вследствие этого можно говорить о том, что Корея создала глобальную сеть ССТ и стала страной-хабом для ССТ в регионе Восточной Азии. В результате страна смогла получить выгоды от ССТ за счет либерализации рынка и улучшения инвестиционного климата.

В соответствии со стратегией торговой политики Корея стремилась к принятию всеобъемлющих и эффективных обязательств странами-партнерами. Когда восемь ССТ вступили в силу, средний показатель уровня либерализации в рамках ССТ составил 97,5%. Уровень таможенных привилегий мог варьироваться из-за наличия чувствительных секторов, таких как сельскохозяйственная продукция. В случае, если ряд или все сельскохозяйственные товары были включены в перечень изъятий, этот уровень немного снижался, что наблюдается в рамках ССТ с США, ЕС и Индией. Несмотря на подобное снижение, средний уровень таможенных привилегий ССТ Кореи намного выше среднего уровня таможенных привилегий ВТО, который составляет 90% [Lee, 2012; WTO, 2008, 2012] (табл. 1).

Помимо этого, ССТ с США и ЕС охватывают все сектора, от товаров до услуг, инвестиции, соглашение о взаимном признании, вопросы конкуренции, защиты прав интеллектуальной собственности, разрешения споров между инвесторами и государством, электронную торговлю, трудовые отношения и окружающую среду, что способствовало совершенствованию структуры производства Кореи и повышению конкурентоспособности, прежде всего в секторе услуг. Следует отметить, что ССТ Корея – ЕС охватывает вопросы открытости регулирования и предполагает новый подход к торговле и устойчивому развитию. Также Соглашение включает протокол о культурном сотрудничестве в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО. В действительности ССТ Корея – ЕС представляет собой намного более всеобъемлющее соглашение, нежели ССТ с США [European Commission, 2011].

В целом ССТ с США и ЕС рассматриваются как стратегически успешные модели ССТ, реализованные в рамках политики в отношении ССТ Кореи с точки зрения их всеобъемлющего охвата и качества. Уровень либерализации ССТ с США составляет 99,8%, ССТ с ЕС – 99,6%. ССТ Корея – Чили также обладает очень высоким уровнем либерализации, как и ССТ с США. Однако это соглашение было пробным в политике Кореи в отношении ССТ и позволило извлечь ряд уроков.

Таблица 1. Уровень либерализации ССТ, заключенных Кореей со странами-партнерами

ССТ	Уровень либерализации, %
Корея – Чили	99,8
Корея – Сингапур	91,6
Корея – Европейская ассоциация свободной торговли	99,1
Корея – АСЕАН	99,2
Корея – Индия	93,2
Корея – США	99,8
Корея – ЕС	99,6

Источник: [MOFAT, 2012; KIET, 2012].

Корея смогла диверсифицировать свои торговые отношения в глобальном масштабе. В целом доля торговли с тремя крупнейшими развитыми экономиками снизилась с 35,4% в 2007 г. до 28,5% в 2012 г., в то время как доля торговли с развивающимися экономиками за тот же период выросла с 63,6 до 71,5% [KITA, 2013]. Данная тенденция демонстрирует два направления торговой политики, реализуемые правительством

Кореи. Во-первых, структура торговли Кореи с момента глобального финансового кризиса стала более диверсифицированной, ее доля с развивающимися странами, такими как страны АСЕАН, и странами других регионов мира расширилась, поскольку все ключевые развитые экономики испытывали серьезное замедление темпов развития. Во-вторых, доля торговли с Китаем за тот же период снизилась, поскольку Корея стремилась сократить высокую торговую зависимость от одной страны [Lee, 2012] (рис. 4).

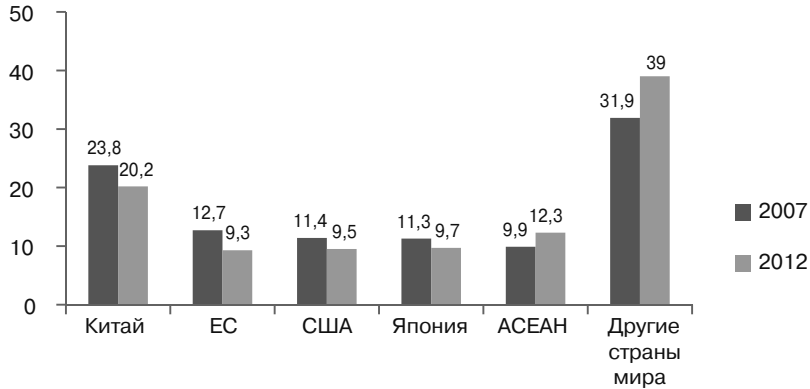

Рис. 4. Изменение доли торговли Кореи со странами-партнерами, 2007–2012 гг., %

Источник: [КИТА, 2013].

Новый вызов: мегасоглашения – ВРЭП и ТТП

Мегасоглашения в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Значимость экономик Азии друг для друга и для всего мира все более возрастает. В 2013 г. объем производства в Азии был почти равен объему производства Европы и Северной Америки. К 2020 г. он будет на 50% выше по паритету покупательной способности. Кроме того, темпы восстановления экономического роста двух крупнейших экономик – США и ЕС – достаточно медленные – 1–2,5% в год, в то время как темпы экономического роста азиатских стран с формирующейся рыночной экономикой – Китая и Индии – были выше 7% ежегодно. В результате центр восстановления глобальной экономики решительным образом переместился из Европы и Северной Америки в Азию. С учетом этих факторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе сформировались два различных подхода к торговой либерализации. Первый – это инициатива АСЕАН, а фактически Китая – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), второй – Транстихоокеанское партнерство (ТТП) под руководством США. Данные подходы обсуждались на саммите АСЕАН в ноябре 2012 г.

В действительности причиной для обсуждения двух указанных мегасоглашений на саммите АСЕАН стала задержка реализации Дохийского раунда переговоров ВТО на многостороннем уровне и тот факт, что двусторонние ССТ уже не обеспечивали существенных дополнительных выгод для частного сектора стран – членов АСЕАН. Среди азиатских стран стала распространяться точка зрения, согласно которой мегасоглашения с небольшим числом участников, такие как ВРЭП и ТТП, могут представлять собой следующее поколение либерализации торговли. Страны стали рассматривать дан-

ные соглашения как удобные и гибкие инициативы, которые могут быть использованы в национальных интересах. Два указанных мегасоглашения имеют относительно схожие цели торговой либерализации и экономической интеграции. Однако вместе с тем различия между этими блоками также значительны [Basu Das, 2013].

Кроме того, еще одним мегаблоком, помимо ВРЭП и ТТП, является Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли (АТЗСТ), призванная повысить экономические выгоды для всех стран региона. АТЗСТ охватывает все страны – участницы ВРЭП, за исключением Индии, и ТТП. Также в АТЗСТ входят Россия и Китайский Тайбэй. Идея создания АТЗСТ была предложена Деловым консультативным советом АТЭС (ДКС АТЭС) в 2004 г., для того чтобы ускорить процессы торговой и инвестиционной либерализации. Исследование, проведенное АТЭС, показало, что АТЭС следует заключить всеобъемлющее соглашение о АТЗСТ. Безусловно, АТЗСТ является супермегасоглашением, однако возможность его реализации до сих пор находится под вопросом [АРЕС, 2009; Petri, Plummer, 2014a] (рис. 5).

Рис. 5. Мегасоглашения в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Источник: [Petri, Plummer, 2014b].

Сравнение мегасоглашений: ВРЭП и ТТП

ВРЭП является инициативой АСЕАН, поддерживаемой Китаем – соглашением о свободной торговле между АСЕАН и торговыми партнерами АСЕАН, такими как Австралия, Китай, Индия, Япония, Новая Зеландия и Корея. ВРЭП призвано стать взаимовыгодным экономическим партнерством, которое укрепит существующие региональные соглашения о свободной торговле. Кроме того, ВРЭП открыто для присоединения для партнеров АСЕАН по ССТ. По прогнозам, процесс создания ВРЭП завершится к концу 2016 г. После того как ВРЭП вступит в силу, его доля в глобальном ВВП составит 32%, в глобальной торговле товарами – 28%.

В отличие от ВРЭП, ТТП является мегасоглашением, роль лидера в котором играет США. Предшественником ТТП было соглашение между Брунеем, Чили, Новой Зеландией и Сингапуром (Р4). Р4 предполагало создание всеобъемлющей зоны свободной торговли, обеспечивающей доступ всех без исключения товаров на рынки стран-участниц. После того как в 2005 г. к соглашению Р4 присоединились США, они взяли на себя роль лидера в этом процессе и привлекли к участию в инициативе ряд стран региона, в том числе Австралию, Канаду, Малайзию, Мексику, Вьетнам и Японию. Изначально была поставлена цель завершить переговоры по ТТП в октябре 2013 г., однако в результате они были завершены в ноябре 2015 г. из-за споров представителей сельскохозяйственного сектора Японии [Lewis, 2009; Financial Times, 2015].

Два вышеуказанных мегасоглашения имеют крайне важное значение для глобальной экономики. Их объем и масштаб превосходят существующие на сегодняшний день крупнейшие торговые блоки, такие как Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) и ЕС. Только АТЭС превышает указанные мегасоглашения по объему экономики и торговли. Однако АТЭС не является соглашением о свободной торговле, а форматом для экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (рис. 6).

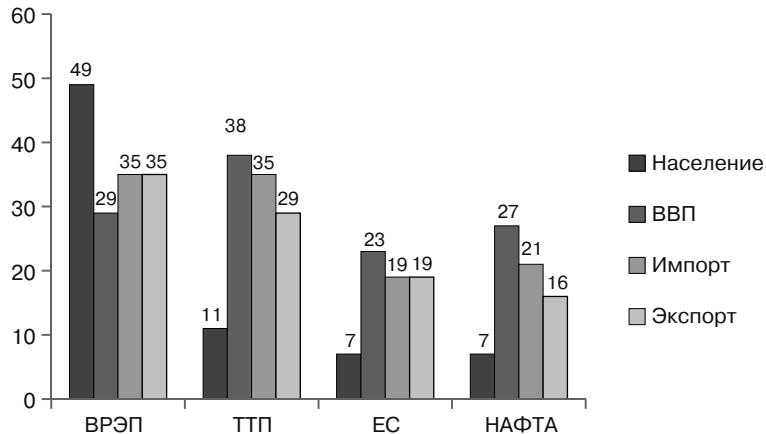

Рис. 6. Доля ВРЭП в мировом населении, ВВП и торговле, 2014 г., %

Источник: [IMF, World Economic Outlook Database, 2014⁸; WTO, World Trade Statistics, 2014]⁹.

На функциональном уровне также наблюдаются серьезные различия между ВРЭП и ТТП. ВРЭП стремится опереться на опыт АСЕАН и объединить все ССТ АСЕАН+1 в региональную рамку. ВРЭП отталкивается от идеи о центральной роли АСЕАН, задачи и обязательства которой принимаются на основе консенсуса. Механизмы, используемые в рамках ВРЭП, достаточно гибкие, чтобы учесть различия в уровне развития стран-участниц для реализации конечной цели. Кроме того, ВРЭП стремится обеспечить большую физическую, институциональную и человеческую взаимосвязанность,

⁸ World Economic Outlook Database, 2014. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/weodata/index.aspx> (дата обращения: 21.10.2016).

⁹ International Trade Statistics, 2014. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2014_e/its14_toc_e.htm (дата обращения: 21.10.2016).

чтобы уменьшить разрыв в уровне развития между странами-участницами [Basu Das, 2013; Petri, Plummer, 2014a].

По сравнению с ВРЭП ТТП предусматривает более жесткий набор обязательств, в том числе в сфере прав интеллектуальной собственности, трудовых стандартов, конкурентной политики, инвестиционных правил, охраны окружающей среды и роли государственных компаний. Все эти вопросы не связаны напрямую с торговлей, однако на них влияют тенденции развития торговли XXI в. Вследствие этого в ТТП могут возникнуть сложности в процессе выработки консенсуса в отношении оптимальных стандартов, поскольку все страны-участницы характеризуются различным уровнем экономического развития. Кроме того, ТТП представляет собой «золотой стандарт» ССТ XXI в., охватывая ряд вопросов торговой повестки ближайшего будущего, таких как межотраслевая торговля и новые вызовы в сфере торговли. В результате ТТП может разделить страны – члены АСЕАН и тем самым нарушить центральную роль объединения [Basu Das, 2013].

Экономические выгоды двух мегасоглашений региона

Два мегасоглашения могут увеличить объемы торговли, доступ на рынки и принести дополнительные выгоды из-за эффекта «масштаба». Кроме того, ВРЭП и ТТП призваны упростить торговлю и инвестиции, способствовать локализации производства, а также создать новые рабочие места в странах-участницах. Однако на практике в развивающихся и развитых экономиках все еще существуют видимые и невидимые торговые барьеры. Хотя на некоторые категории товаров все еще сохраняются высокие тарифы, несмотря на значительное их снижение для большинства позиций в последние годы, начинают преобладать нетарифные ограничения, такие как меры количественного контроля и технические барьеры [Urata, 2011].

Возможные экономические выгоды ВРЭП и ТТП были оценены с применением расчетной модели общего равновесия (CGE) с использованием матрицы переговорных позиций АСЕАН для ВРЭП и США для ТТП. Данные показывают, что два мегасоглашения создают значительные экономические выгоды для каждой страны-участницы. ВРЭП приведет к увеличению дохода в размере 644 млрд долл. США, что составляет 2% ВВП Азии к 2025 г. по показателю ВВП 2007 г. ТТП может в тот же временной промежуток повысить доходы до 223 млрд долл. США. В связи с ТТП наибольшая доля издержек из-за изменения торговых связей придется на Китай [Petri, Plummer, 2014b].

ВРЭП и ТТП помогут снизить негативный эффект «спагетти», когда множество двусторонних региональных ССТ накладываются друг на друга. Этот эффект снижает потенциальные выгоды экономической интеграции, поскольку бизнесу приходится прилагать много усилий, чтобы соответствовать различным правилам и требованиям регулирования. В результате стоимость использования преференциальных льгот для частного сектора возрастает. Кроме того, вместе два мегасоглашения будут представлять собой полный набор принципов свободной торговли.

Не менее важно, что ВРЭП и ТТП могут стимулировать страны-участницы к повышению уровня информирования о таможенных правилах и требованиях регулирования, торговых процедурах и таможенном оформлении, товарных стандартах и соответствии, а также связанных с торговлей инфраструктуре и услугах. Данные мегасоглашения могут привести к упрощению торговли в развивающихся странах региона. Кроме того, малые и средние предприятия (МСП) в регионе могут извлечь дополнительную выгоду, учитывая, что ВРЭП и ТТП предусматривают меры поддержки МСП.

Тем самым большинство стран АСЕАН, Китай и Индия смогут сократить свои временные и стоимостные затраты торговли.

Анализ стратегии торговой политики и национальных интересов в отношении ВРЭП и ТТП

Стратегия торговой политики

Торговая политика Кореи может рассматриваться как один из наиболее успешных примеров обеспечения высоких темпов экономического роста страны на протяжении многих десятилетий. В 1966 г. объем торговли Кореи составлял лишь 1 млрд долл. США, в 2014 г. он увеличился до 1,1 трлн долл. США. Для Кореи стало значительным достижением присоединение к «клубу» стран с объемом торговли в 1 трлн долл. США в 2011 г. Опыт Кореи демонстрирует, что экспортно ориентированная стратегия торговой политики, опирающаяся на конкурентные преимущества и структурные изменения, подходит для других развивающихся экономик [Porter, 1990; Todaro, Smith, 2012]. Однако если провести не только количественный, но и качественный анализ показателей торговой деятельности, оказывается, что, несмотря на достигнутые успехи, Корея в процессе реализации своей стратегии торговой политики сталкивается с рядом вызовов.

Прежде всего Корею необходимо диверсифицировать торговых партнеров и экспортируемые товары, для того чтобы снизить риски, вызываемые внешними экономическими изменениями, поскольку ее экономический рост преимущественно зависит от торговли на глобальных рынках. В 2013 г. пятью крупнейшими торговыми партнерами Кореи были Китай, страны – члены АСЕАН, США, ЕС и Япония, на долю которых приходилось 64,4% всей торговли товарами. Корея предприняла меры для минимизации рисков, возникающих из-за высокой степени зависимости от узкого круга торговых партнеров начиная с 1970-х годов, поскольку глобальный экономический кризис мог оказать негативное влияние на ее экономику за счет торговых и финансовых каналов. Подобная политика оказалась эффективной. В результате Корея смогла снизить свою зависимость от пяти крупнейших торговых партнеров с 85% в 1971 г. до 64,4% в 2013 г.¹⁰ Таким образом, зависимость от пяти крупнейших торговых партнеров за последние 40 лет снизилась более чем на 20%. Однако уровень зависимости оставался на уровне 60–70% с начала 2000-х годов, что требовало принятия дополнительных мер [KITA, 2012, 2014] (рис. 7).

Вторым вызовом является высокая концентрация десяти ключевых экспортных товаров Кореи. В 2011 г. их доля в общем экспорте составляла 60,3%, что выше, чем в других крупнейших экономиках. Спустя два года этот показатель слабо изменился. Доля десяти ключевых экспортных товаров в среднем за период 2008–2010 гг. составляла 27,1% для США, 28,8% – для Китая, 24,2% – для Японии и 34,7% – для Германии, а для Кореи – 51,1% [KITA, 2011]. Причина, по которой доля десяти ключевых экспортных товаров была столь сконцентрирована, преимущественным образом заключалась в структуре производства, ориентированной на крупные компании. В результате малые и средние предприятия не могли получить конкурентные преимущества на глобальном рынке, чтобы экспортировать свои разнообразные товары в крупнейшие экономики [Lee, 2012].

¹⁰ Торговля с Китаем официально была начата в 1992 г. В период с 1971 по 1991 г. торговля с Китаем преимущественно представляла собой посредническую торговлю через Гонконг.

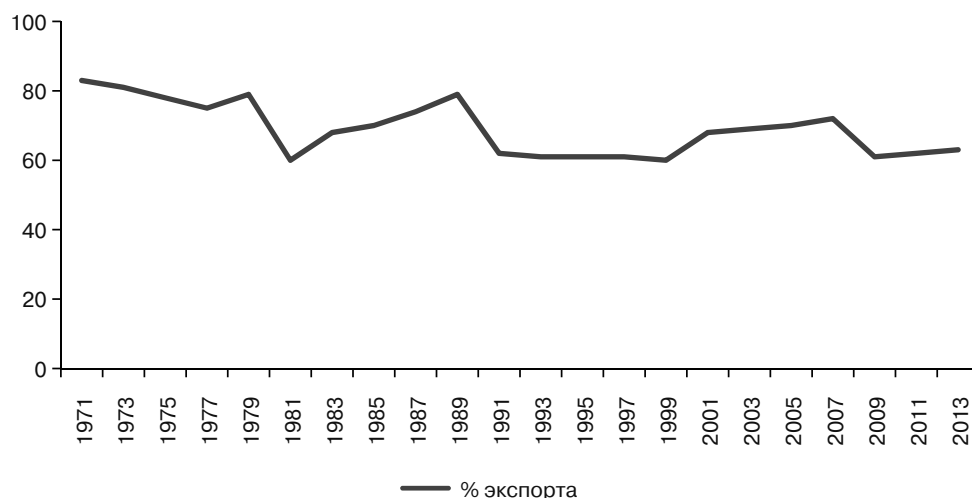

Рис. 7. Доля экспорта Кореи в Китай, США, Японию, ЕС и страны АСЕАН, 1971–2013 гг., %

Источник: [КИТА, 2014].

Третьим вызовом для стратегии торговой политики стала необходимость развивать сектор услуг и увеличивать долю экспорта услуг на глобальном рынке. Доля экспорта услуг Кореи на глобальных рынках в 2009 г. насчитывала лишь 2,1%, и ее увеличение к 2013 г. было незначительным — всего лишь до 2,4%. Данный показатель значительно уступал показателю других крупнейших экономик. Хотя доля экспорта услуг Кореи увеличилась наравне с США и Китаем, потенциал ее увеличения был ниже, чем в Китае. Доля экспорта услуг Китая в тот же период выросла с 3,8 до 4,4%. В последнее десятилетие — с 2001 по 2013 г. — доля экспорта товаров Кореи на мировом уровне увеличилась с 2,4 до 3,7%, в то время как доля экспорта услуг выросла с 2,0 до 2,4%. Ежегодное увеличение первого показателя составляло 13,9%, второго — 12,3%. Таким образом, существует необходимость расширения экспорта услуг Кореи для укрепления экспортных возможностей страны, несмотря на то, что ежегодный темп прироста в этой сфере был выше среднемирового уровня [WTO, 2012, 2015] (табл. 2).

Низкий темп роста экспорта услуг Кореи в отличие от роста экспорта товаров привел к торговому дефициту в балансе сектора услуг. Показатель достиг максимальной величины в 13,3 млрд долл. США в 2006 г. и снизился до 4,4 млрд долл. США в 2011 г., увеличившись до 6,5 млрд долл. США в 2013 г. В период с 2002 по 2013 г. в Корею наблюдался значительный дефицит в торговле услугами. В результате страна по объему экспорта услуг занимала 13-е место в мире, в то время как по экспорту товаров за тот же период она поднялась с 13-го на 7-е место. Данная тенденция демонстрирует, что торговая политика Кореи укрепилась с точки зрения промышленного сектора в ущерб сектору услуг, что привело к растущему разрыву между товарами и услугами с точки зрения торгового баланса. Вследствие этого для обеспечения сбалансированного роста в средне- и долгосрочной перспективе требуется разумный подход для устранения этого дисбаланса. В противном случае без повышения конкурентоспособности сектора услуг экономика Кореи не сможет быть устойчивой [Bank of Korea, 2014] (табл. 3).

Таблица 2. Доля экспорта услуг в структуре торговли крупнейших экономик, 2009–2013 гг.

Доля, %	2009	2010	2011	2012	2013
США	14,1	13,9	13,9	14,1	14,3
Великобритания	7,1	6,6	6,6	6,4	6,3
Германия	6,7	6,2	6,1	5,9	6,2
Китай	3,8	4,5	4,4	4,4	4,4
Япония	3,7	3,7	3,4	3,2	3,1
Республика Корея	2,1	2,3	2,3	2,5	2,4

Источник: [WTO, 2012].

Таблица 3. Торговый баланс сектора услуг Кореи, 2001–2013 гг., 100 млн долл. США

Год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Дефицит	64,4	57,9	59,6	99,5	133,3	119,7	57,3	66,4	86,3	43,8	52,1	65,0

Источник: [Bank of Korea, 2014].

Четвертый вызов обусловлен необходимостью повышения эффективности ССТ. Нужны национальные реформы в сфере услуг по продаже, для того чтобы оправдать ожидания потребителей. За счет снижения тарифов национальные потребители должны получить ценовые преимущества от импортируемых товаров и услуг. С другой стороны, они не будут поддерживать дальнейшую торговую либерализацию как стратегию торговой политики. Кроме того, необходимо повысить конкурентоспособность внутреннего рынка, чтобы получать выгоду от ССТ и максимально увеличить коэффициент использования ССТ, вступивших в силу. В действительности коэффициент использования ССТ значительно варьируется. Коэффициент использования соглашения между Кореей и Чили достигает 95%, в то время как соглашения между Кореей и Индией – лишь 25% [Kim, 2012].

Кроме того, правительство страны должно обеспечить внутреннюю избирательную поддержку торговой политики. Правительству следует расширить диалог с различными группами и секторами, включая даже оппонентов политики по заключению ССТ. Естественно, что дальнейшая торговая либерализация может привести к появлению лидеров и отстающих в различных секторах, однако в целом она обеспечивает рост национальной экономики [Lee, 2012]. В результате увеличивающийся разрыв между лидерами и отстающими может привести к экономическим и политическим конфликтам, которые могут снизить темпы экономического роста и выгоды потребителей. Поэтому правительство страны должно подходить к данному вопросу благоразумно, обеспечивая компенсационные меры и повышая конкурентоспособность конкретных секторов, на которые негативно влияет политика по реализации ССТ [Solis, 2013].

Национальные интересы в отношении ВРЭП и ТТП

Перед Южной Кореей стоит задача по выстраиванию политики в отношении двух мегасоглашений в регионе. После долгих раздумий страна заявила о своем интересе

к Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП) в 2012 г. и к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) в конце 2013 г. Оба мегасоглашения рассматривались как крайне важные для национальных интересов Кореи из-за объема их экономик и рынков. По оценкам, экономические выгоды от ВРЭП с 16 странами-участницами выше, чем от ТТП с 12 странами, хотя оценки не включают воздействие нетарифных барьеров, являющихся одним из важнейших направлений переговоров ТТП [Jeong, 2012]. Но даже если учитывать нетарифные барьеры, барьеры для прямых иностранных инвестиций и коэффициенты использования тарифных льгот, ВРЭП все равно обеспечит большие экономические выгоды для Кореи, нежели ТТП с учетом открытия доступа на рынок Китая.

Корея обладает уникальным положением, поскольку заключила ССТ с большинством стран — участниц ВРЭП и ТТП, включая США и Китай. Соглашение не подписано только с Японией. Вследствие этого страна может играть каталитическую роль в формировании обоих мегасоглашений. Что касается ВРЭП, Корея обладает преимуществами членства, сходными с преимуществами Китая. Корея выбрала заключение соглашения в первую очередь со странами АСЕАН+3, а с другими странами — после формирования институтов. В отношении ТТП до сих пор не до конца ясны преимущества в отношении Японии, поскольку, по сути, присоединение к ТТП означает заключение ССТ с Японией. Несмотря на неопределенность, правительство Кореи решило участвовать в переговорах по ТТП, поскольку секторам промышленности требовалось поддержание таких же условий, как для секторов Японии. В основе ТТП лежит набор правил, партнерство предлагает негибкие условия для стран-участниц, в отличие от ВРЭП, в основе которого лежит торговля товарами [Petri et al., 2012; Cheong, 2013; Steven, Wang, 2014].

С макроэкономической точки зрения очевидно, что два мегасоглашения в совокупности могут стать источником для экономического роста Кореи. Несомненно, ВРЭП и ТТП могут принести экономические выгоды Кореи. В то же время необходимо проанализировать, какое из двух соглашений может принести большие экономические выгоды, чтобы выработать стратегические подходы в отношении двух мегасоглашений. Для этого может быть полезно исследовать торговую взаимозависимость Кореи со странами — участницами двух мегасоглашений. В 2002 г. уровень взаимозависимости Кореи от стран — участниц ВРЭП составлял 21,72%, в 2012 г. этот показатель увеличился до 41,16%, т.е. практически удвоился. По сравнению с уровнем взаимозависимости с партнерами по ВРЭП этот показатель для стран — участниц ТТП составлял 22,30% в 2002 г., т.е. практически не отличался от ВРЭП. Однако к 2012 г. он вырос совсем незначительно — до 28,33%. В сравнении с уровнем взаимозависимости Китая и Японии уровень взаимозависимости Кореи в рамках двух мегасоглашений оказывается намного выше в силу высокой зависимости национальной экономики от торговли. Учитывая уровень торговой взаимозависимости, ВРЭП может принести большие экономические выгоды для экономики Кореи, нежели ТТП (табл. 4).

Возможные макроэкономические последствия ВРЭП и ТТП были оценены с применением расчетной модели общего равновесия (CGE). ВРЭП может привести к увеличению реального ВВП Кореи на 2,5%, ТТП — на 1,54%. Благодаря ВРЭП благосостояние страны может увеличиться на 21,4 млрд долл. США, ТТП — на 13,4 млрд долл. США. ВРЭП может повысить объем экспорта на 5,41%, ТТП — на 5,05%. Благодаря ВРЭП объем импорта может вырасти на 5,39%, ТТП — на 5,07%. ВРЭП позволит увеличить торговый баланс на 756 млн долл. США, в то время как ТТП приведет к его снижению на 66 млн долл. США. В результате ВРЭП может оказать более позитивное влияние на макроэкономические показатели Кореи, нежели ТТП [Ko, 2014].

Таблица 4. Уровень торговой взаимозависимости со странами – участниками ВРЭП и ТТП, 2002–2012, %

	АСЕАН+3		ВРЭП		ТТП	
	2002	2012	2002	2012	2002	2012
Бруней	61,57	74,99	68,75	91,99	54,97	62,32
Камбоджа	25,19	48,11	25,68	49,37	33,63	38,64
Индонезия	22,61	25,83	25,55	29,04	22,98	19,08
Лаос		84,5		85,7		
Малайзия	85,25	77,84	91,79	87,49	89,13	55,63
Мьянма		80,8		90,5		
Филиппины	39,89	24,98	42,09	26,34	52,4	20,1
Сингапур	123,14	131,28	133,95	148,22	124,18	83,09
Таиланд	48,62	67,69	52,35	74,67	52,61	51,05
Вьетнам	48,94	80,8	54,4	86,89	37,87	48,44
Китай	14	11,98	14,96	14,39	17,77	15,78
Япония	6	11,68	7,1	13,31	6,94	7,88
Корея	20	36,75	21,72	41,16	22,3	28,33
Австралия	15	19,28	17,1	21,27	15,07	11,5
Индия	4	9,71	4,05	10,6	5,17	8,22
Новая Зеландия	13	17,11	22,52	25,39	23,78	19,18
США	5	6,52	4,96	7,17	7,76	8,87

Источник: Подготовлено Рабочей группой NEAT на основе базы данных ООН по международной торговле (UN Comtrade) и базы данных Всемирного банка (WDI), 2014.

На основании анализа с использованием расчетной модели общего равновесия (CGE) Корея может получить экономические выгоды как от ВРЭП, так и от ТТП. Соответственно, перед Кореей стоит задача обеспечения координации двух данных мега-соглашений. Если Корее удастся должным образом выстроить политику в отношении ВРЭП и ТТП, страна может ожидать положительных результатов вследствие открытия зарубежных рынков, а также благоприятных условий для торговли, создаваемых этими соглашениями [Petri et al., 2012].

Заключение

В последние пятьдесят лет экономика Республики Корея росла значительными темпами. В основе быстрого экономического роста лежала экспортно ориентированная стратегия развития, позволившая достаточно быстро увеличить объем торговли с 1 млрд долл. США в 1966 г. до 1,1 трлн долл. США в 2014 г. В результате в 2011 г. Корея смогла присоединиться к группе стран с объемом торговли в 1 трлн долл. США наряду с другими крупнейшими экономиками мира. Опыт Кореи может служить моделью по обеспечению высоких темпов экономического роста за счет экспорта и, соответственно, продуманной торговой политики.

Торговая политика Кореи дважды подвергалась испытаниям за период ее экономического роста. Во время Азиатского финансового кризиса 1997 г. экономика Кореи серьезно пострадала и продемонстрировала падение. Национальная валюта была сильно девальвирована по отношению к доллару США, а внутренний рынок пришлось сохранять открытым за счет дерегуляции и либерализации. Международный валютный фонд (МВФ) выделил Корею антикризисный пакет в размере 21 млрд долл. США, а правительство приступило к реализации торговой политики, опирающейся на экспорт, чтобы извлечь максимальную выгоду от слабости валюты на глобальном рынке. В результате торговый баланс страны от дефицита в 8,5 млрд долл. США в 1997 г. перешел к профициту в 40 и 19 млрд долл. США в 1998 и 1999 гг. соответственно. Подобный рекордный торговый профицит позволил Корею полностью выплатить долг МВФ в декабре 2000 г.

Во второй раз это произошло во время глобального финансового кризиса 2008 г. С момента кризиса 1997 г. Корея стала одной из наиболее открытых рыночных экономик в мире в результате процессов дерегуляции и либерализации, т.е. ее рынок полностью зависел от внешних экономических условий. Это обусловило низкий темп экономического роста в 2,4% в 2008 г. Хотя глобальный финансовый кризис считается наиболее серьезным экономическим кризисом в мире после Великой депрессии 1929 г., экономика Кореи находилась в лучшем состоянии по сравнению с другими крупными экономиками, поскольку страна смогла накопить достаточные иностранные резервы и повысить конкурентоспособность своей промышленности. Как и другие крупные экономики, Корея увеличила финансово-бюджетные расходы, чтобы стимулировать национальную экономику и в то же время продолжить реализацию экспортно ориентированной политики, направленной, прежде всего, на развивающиеся страны, поскольку большинство развитых экономик серьезно пострадали от снижения темпов экономического роста, вызванного глобальным финансовым кризисом. Стратегия реализации торговой политики оказалась крайне эффективной даже в ходе глобального финансового кризиса и привела к уверенному экономическому росту в 6,2% в 2009 г. (самый высокий показатель среди стран ОЭСР). Корея продемонстрировала миру, что небольшая открытая экономическая система, в основе которой находится открытая торговая политика, способна успешно и эффективно преодолеть последствия глобального финансового кризиса.

Для того чтобы быть конкурентоспособной на глобальных рынках, Корея заключила 21 соглашение о свободной торговле с крупными и малыми экономиками мира начиная с 2000-х годов. Двусторонние и региональные ССТ способствовали росту торговли Кореи и уверенному экономическому росту. Благодаря заключению ССТ с ЕС и США Корея смогла минимизировать падение доли позиции на рынке и объема торговли с крупнейшими рынками во время глобального финансового кризиса и кризиса суверенного долга, одновременно с этим страна смогла расширить объем торговли с формирующимися рыночными экономиками, прежде всего Китаем и странами АСЕАН.

С 2012 г. Корею пришлось выстраивать политику в отношении двух мегасоглашений – ВРЭП и ТТП. Данные мегасоглашения из-за своего масштаба оказывают влияние не только на экономику Кореи, но и на экономическое развитие региона. С точки зрения взаимозависимости торговли Корея больше связана с ВРЭП, чем с ТТП, а участие в данном соглашении может принести Корею большие экономические выгоды, чем ТТП. Однако Корея не может игнорировать ТТП. Для Кореи крайне важно участвовать в обоих мегасоглашениях, чтобы обеспечить гармоничное торгово-экономическое развитие, а также в целях безопасности.

Поводя итог, следует отметить, что продуманная торговая политика помогла Корее за короткий период времени укрепить темпы экономического роста и преодолеть последствия двух крупнейших финансовых кризисов, а также обеспечить национальную конкурентоспособность на глобальных рынках. Торговая политика страны направлена на развитие конкретных секторов промышленности и ориентирована на рынки, которые могут обеспечить максимальный рост торговли, а также минимизацию зависимости национального рынка от ряда торговых партнеров. Несмотря на значительный успех, перед Кореей стоит ряд вызовов, которые необходимо преодолеть, для того чтобы повысить роль товаров с добавленной стоимостью и услуг в структуре торговли страны. В противном случае успешная корейская модель не сможет сохранить устойчивость, поскольку конкурирующие государства, в первую очередь Китай, делают все возможное, чтобы повысить свою конкурентоспособность до уровня развитых экономик на глобальных рынках. Именно поэтому определение направления торговой политики и стратегии как никогда важны для обеспечения экономического роста Кореи в будущем.

Литература

- Ahearn R.J. (2009) Transatlantic Regulatory Cooperation: Background and Analysis. Congressional Research Service. Режим доступа: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL34717.pdf> (дата обращения: 21.10.2016).
- APEC (2009) Further Analytical Study on the Likely Economic Impact of an FTAAP. Singapore. doi: 2009/CSOM/R/010.
- Baldwin R.E. (2006) Multilateralizing Regionalism; Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade. Working Paper 12545. National Bureau of Economic Research. Cambridge.
- Bank of Korea (2013) Economic Statistics System. Seoul: BOK.
- Bank of Korea (2014) Economic Statistics System. Seoul: BOK.
- Basu Das S. (2013) RCEP and TPP: Comparisons and Concerns // ISEAS Perspective. No. 2.
- Bendini R. (2013) WTO Back on Track After Bali, Quick Policy Insight. Brussels: European Parliament.
- Bergsten C.F. (1997) Competitive Liberalization and Global Free Trade; a Vision for the early 21st century. Working Paper, 96–15. Peterson Institute for International Economics.
- Cheong I.K. (2013) Negotiations for the Trans Pacific Partnership Agreement. ADBI Working Paper Series. No. 428. Tokyo: Asian Development Bank Institute. Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156283/adbi-wp428.pdf> (дата обращения: 21.10.2016).
- Cooper W.H., Manyin M.E., Jurenas R., Platzer M.D. (2013) The US – South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implications. Washington D. C.: Congressional Research Service.
- Department of Commerce (2013) Economic Analysis. Washington D. C.: DOC.
- Dukgeun Ahn (2010) Legal and Institutional Issues of Korea – EU FTA: New Model for post-NAFTA FTAs? Sciences Po, Policy Brief, October.
- European Commission (2011) The EU Korea Free Trade Agreement in Practice. Brussels: EC.
- European Commission (2014) Directorate General for Trade. Brussels: EC.
- European Commission (2016) Directorate General for Trade. Brussels: EC.
- Eurostat (2013) International Trade. Brussels: Eurostat.
- Financial Times (2015) US, Japan and 10 Counties strike Pacific Trade Deal. October 5. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/d4a31d08-6b4c-11e5-8171-ba1968cf791a> (дата обращения: 21.10.2016).
- Frank Jr.C.R., Kim K.S., Westphal L.E. (1975) Foreign Trade Regimes and Economic Development: South Korea, NBER. Режим доступа: <http://papers.nber.org/books/fran75-1> (дата обращения: 21.10.2016).

- Hufbauer G.C., Schott J.J. (2007) *Multilateral Regionalism; Fitting Asia-Pacific Agreements into the WTO System*. WTO – HEI – CEPR Conference on Multilateralising Regionalism, September, Geneva.
- ILO (2009) *World of Work Report*. Geneva: ILO.
- IMF (2010) *World Economic Outlook 2010*. Washington D. C.: IMF.
- IMF (2013) *Direction of Trade Statistics*. Washington D. C.: IMF.
- Institute for International Trade (2015) *Current Situation of FTAs with Major Countries and Prospects in 2015*. Trade Focus. No. 14 (3). Seoul: Korea Trade Association
- Jeong H.G. (2012) *South Korea: Which Way Will it go on Asian Integration? // Asia at a Tipping Point: Korea, the rise of China, and the Impact of Leadership Transitions / G. Rozman (ed.). Joint U.S. – Korea Academic Studies Series. No. 23. P. 213*. Washington D. C.: Korea Economic Institute.
- Kim Y.G. (2012) *Korea's FTA Networks and its Global Leadership*. May 8. Seoul: KIEP.
- KITA (2011) *Trade Focus*. No. 10 (55). November 10–20.
- KITA (2012) *Trade Focus*. No. 11 (15). March 8–14.
- KITA (2013) *Trade Brief*. No. 6. April 16.
- KITA (2014) *Trade Statistics*. Seoul: KITA.
- Ko J.H. (2014) *RCEP vs. TPP: Which One Would Be More Beneficial to Korea Economically?* Paper was presented in Spring Policy Seminar Organized by the Korean Association of Trade and Industry Studies on 31 March.
- Korea Institute for Industrial Economics and Trade (KIET) (2012) *Korea's FTA Network*. Seoul: KIET.
- Lee J.K. (2012) *The Future of Korean Trade Policy: Korea's Trade Structure and Its Policy Challenge // Korea's Economy 2012 / T. Stangarone (ed.). Washington D. C.: Korea Economic Institute of America. P. 21–28*.
- Lewis M.-K. (2009) *Expanding the P-4 Trade Agreement into a Broader Trans-Pacific Partnership: Implications, Risks and Opportunities // Asian Journal of WTO & Int'l Health Law and Policy. Vol. 4. No. 2. P. 401, 405–406*.
- Mansfield E.D., Reinhardt E. (2003) *The Multilateral Determinants of Regionalism: The Effects of the GATT/ WTO on Preferential Trade Agreements // International Organization. No. 57 (4). P. 829–862*.
- Ministry of Foreign Affairs and Trade (2012) *South Korea's FTA Network (internal statistics)*.
- Nanto D.K. (2009) *The Global Financial Crisis: Foreign and Trade Policy Effects*. Washington D. C.: Congressional Research Service (R40496).
- Noland M. (2007) *South Korea's Experience with International Capital Flows // Capital Controls, Capital Flows in Emerging Economies; Policies, Practices, and Consequences / S. Edwards (ed.). Chicago: Chicago University Press. P. 481–528*.
- Park S.C., Lee S.K. (2004) *The Regional Innovation System in Sweden: A Study of Regional Clusters for the Development of High Technology // AI & Society. No. 18 (3). P. 276–292*.
- Park S.C. (1997) *The Technopolis Plan in Japanese Industrial Policy*. Gothenburg: Vasastadens Bokbinderi.
- Park S.H., Koo M.G. (2008) *Forming a Cross-Regional Partnership: The South Korea-Chile FTA and its Implications // Cross-Regional Trade Agreements: Understanding Permeated Regionalism in East Asia / S. Katada, M. Solis (eds). Berlin: Springer. P. 27–46*.
- Petri P.A., Plummer M. (2014a) *ASEAN Centrality and the ASEAN – US Economic Relationship*. Honolulu: East West Center.
- Petri P.A., Plummer M. (2014b) *Asia-Pacific Regional Integration: Economic Effects and Implications for the Global Trading System // Econobrowser. June 5. Режим доступа: <http://econbrowser.com/archives/2014/06/guest-contribution-asia-pacific-regional-integration> (дата обращения: 21.10.2016)*.
- Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F. (2012) *The Trans-Pacific Partnership and Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment // Policy, Analysis in International Economics Series, No. 98. P. 41*. Washington D. C.: Peterson Institute for International Economics.

- Porter M. (1990) *The Competitive Advantage of Nations*. N. Y.: Free Press.
- Sakong I., Koh Y.S. (2010) *The Korean Economy: Six Decades Growth and Development*. Seoul: Korea Development Institute.
- Solis M. (2013) *South Korea's Fateful Decision on the Trans Pacific Partnership* // Policy Paper at Brookings. No. 31 (September).
- Song Y.K. (2011) *KORUS FTA vs. Korea – EU FTA: Why the Differences?* // Academic Paper Series. No. 6 (5). P. 21–32.
- Steven D., Wong C.M. (2014) *Emerging Regional Economic Landscape: The TPP & RCEP*. Paper Presented in a Conference Hosted by the Center for ASEAN Studies. Thammasat University with a Theme ASEAN: Emerging Global and Regional Player? July 7–8.
- Todaro M.P., Smith S.C. (2012) *Economic Development*. Boston: Addison-Wesley.
- UNCTAD (2010) *International Trade after the Economic Crisis*. N. Y.: UNCTAD.
- UNCTAD (2010) *International Trade After the Economic Crisis: Challenges and New Opportunities*. N. Y.: UNCTAD.
- Urata S. (2011) *Deflated Hopes for Japan Joining the TPP Negotiations*. East Asia Forum. January 18.
- World Bank (2010) *World Development Indicators 2010*. Washington D. C.: World Bank.
- World Bank (2012) *World Investment Report 2012*. Washington D. C.: World Bank.
- WTO (2008) *Policy Review of Korea*. Geneva: WTO.
- WTO (2009) *WTO News: Speeches— DG Pascal Lamy*. March 2.
- WTO (2012) *Policy Review of Korea*. Geneva: WTO.
- WTO (2015) *World Trade Report 2014*. Geneva: WTO.

Korea's Trade Strategies for Mega Free Trade Agreements in Regional and Global Economic Integration

S.C. Park

Sang-Chul Park — Professor, Graduate School of Knowledge-Based Technology and Energy, Korea Polytechnic University; 2121 Jeongwang-Dong, Siheung City, Kyonggi-Do, 429-793, Korea; E-mail: scpark@kpu.ac.kr

Abstract

Korea has developed rapidly since the 1960s. It is one of the four Asian tiger economies and a good model for developing countries. Korea shows the world how a developing country can develop its economy rapidly and become industrialized. Its development strategy has mainly been an export-oriented trade policy. As a result, its trade volume grew from \$1 billion in 1966 to \$1 trillion in 2011, which is a 1,000-fold increase within five decades. Since 2011, Korea has become one of seven countries with a trade volume over \$1 trillion. However, the Korean economy has experienced turbulence as well as positive growth. It underwent severe economic crises such as the Asian financial crisis in 1997 and the global financial crisis in 2008. Its economy has been extremely vulnerable to the external economic environment, although it has improved and strengthened, particularly since the global financial crisis. During those two crises, the government carried out an appropriate trade policy with a strategic approach to upgrade its industrial structure and competitiveness in global markets.

This article comprehensively discusses Korean trade policy and strategy over the last five decades, and how its national economy has developed rapidly. It also explores how the government sets its strategic targets in Asia and the Asia Pacific region. It considers two mega free trade agreements (FTAs) — the Regional Comprehensive Economic Partnership and the Trans-Pacific Partnership — as new opportunities for further development. Therefore, it is wise to analyze these regional mega FTAs in order to maximize the national interest.

Key words: trade policy; development strategy; free trade agreement; Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP); Trans-Pacific Partnership (TPP)

References

- Ahearn R.J. (2009) *Transatlantic Regulatory Cooperation: Background and Analysis*. Congressional Research Service. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL34717.pdf> (accessed 21 October 2016).
- APEC (2009) *Further Analytical Study on the Likely Economic Impact of an FTAAP*. Singapore. doi:2009/CSOM/R/010.
- Baldwin R.E. (2006) *Multilateralizing Regionalism; Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade*. Working Paper 12545. National Bureau of Economic Research, Cambridge.
- Bank of Korea (2013) *Economic Statistics System*. Seoul: BOK.
- Bank of Korea (2014) *Economic Statistics System*. Seoul: BOK.
- Basu Das S. (2013) RCEP and TPP: Comparisons and Concerns. *ISEAS Perspective*, no 2.
- Bendini R. (2013) *WTO Back on Track After Bali, Quick Policy Insight*. Brussels: European Parliament.
- Bergsten C.F. (1997) *Competitive Liberalization and Global Free Trade; a Vision for the early 21st century*. Working Paper, 96–15. Peterson Institute for International Economics.
- Cheong I.K. (2013) Negotiations for the Trans Pacific Partnership Agreement. *ADB Working Paper Series*, no 428. Tokyo: Asian Development Bank Institute. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156283/adbi-wp428.pdf> (accessed 21 October 2016).
- Cooper W.H., Manyin M.E., Jurenas R., Platzer M.D. (2013) *The US-South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implications*. Washington D. C.: Congressional Research Service.
- Department of Commerce (2013) *Economic Analysis*. Washington D. C.: DOC.

- Dukgeun Ahn (2010) *Legal and Institutional Issues of Korea – EU FTA: New Model for post-NAFTA FTAs?* SciencesPo, Policy Brief, October.
- European Commission (2011) *The EU Korea Free Trade Agreement in Practice*. Brussels: EC.
- European Commission (2014) *Directorate General for Trade*. Brussels: EC.
- European Commission (2016) *Directorate General for Trade*. Brussels: EC.
- Eurostat (2013) *International Trade*. Brussels: Eurostat.
- Financial Times (2015) *US, Japan and 10 Counties strike Pacific Trade Deal*, October 5. Available at: <https://www.ft.com/content/d4a31d08-6b4c-11e5-8171-ba1968cf791a> (accessed 21 October 2016).
- Frank Jr.C.R., Kim K.S., Westphal L.E. (1975) *Foreign Trade Regimes and Economic Development: South Korea, NBER*. Available at: <http://papers.nber.org/books/fran75-1> (accessed 21 October 2016).
- Hufbauer G.C., Schott J.J. (2007) *Multilateral Regionalism; Fitting Asia-Pacific Agreements into the WTO System*. WTO – HEI – CEPR Conference on Multilateralising Regionalism, September, Geneva.
- ILO (2009) *World of Work Report*. Geneva: ILO.
- IMF (2010) *World Economic Outlook 2010*. Washington D. C.: IMF.
- IMF (2013) *Direction of Trade Statistics*. Washington D. C.: IMF.
- Institute for International Trade (2015) *Current Situation of FTAs with Major Countries and Prospects in 2015*. Trade Focus, 14 (3). Seoul: Korea Trade Association.
- Jeong H.G. (2012) South Korea: Which Way Will it go on Asian Integration? *Asia at a Tipping Point: Korea, the rise of China, and the Impact of Leadership Transitions* (ed. Gilbert Rozman). Joint U.S. – Korea Academic Studies Series, no 23, p. 213. Washington DC: Korea Economic Institute.
- Kim Y.G. (2012) *Korea's FTA Networks and its Global Leadership*, May 8. Seoul: KIEP.
- KITA (2011) *Trade Focus*, no 10 (55), November 10–20.
- KITA (2012) *Trade Focus*, no 11 (15), March 8–14.
- KITA (2013) *Trade Brief*, no 6, April 16.
- KITA (2014) *Trade Statistics*. Seoul: KITA.
- Ko J.H. (2014) *RCEP vs. TPP: Which One Would Be More Beneficial to Korea Economically?* Paper was presented in Spring Policy Seminar Organized by the Korean Association of Trade and Industry Studies on 31 March.
- Korea Institute for Industrial Economics and Trade (KIET) (2012) *Korea's FTA Network*. Seoul: KIET.
- Lee J.K. (2012) The Future of Korean Trade Policy: Korea's Trade Structure and Its Policy Challenge. *Korea's Economy 2012* (ed. T. Stangarone). Washington D. C.: Korea Economic Institute of America, pp. 21–28.
- Lewis M.-K. (2009) Expanding the P-4 Trade Agreement into a Broader Trans-Pacific Partnership: Implications, Risks and Opportunities. *Asian Journal of WTO & Int'l Health Law and Policy*, vol. 4, no 2, pp. 401, 405–406.
- Mansfield E.D., Reinhardt E. (2003) The Multilateral Determinants of Regionalism: The Effects of the GATT/WTO on Preferential Trade Agreements. *International Organization*, no 57 (4), pp. 829–862.
- Ministry of Foreign Affairs and Trade (2012) *South Korea's FTA Network* (internal statistics).
- Nanto D.K. (2009) *The Global Financial Crisis: Foreign and Trade Policy Effects*. Washington D. C.: Congressional Research Service (R40496).
- Noland M. (2007) South Korea's Experience with International Capital Flows. *Capital Controls, Capital Flows in Emerging Economies; Policies, Practices, and Consequences* (ed. S. Edwards). Chicago: Chicago University Press, pp. 481–528.
- Park S.C., Lee S.K. (2004) The Regional Innovation System in Sweden: A Study of Regional Clusters for the Development of High Technology. *AI & Society*, no 18 (3), pp. 276–292.
- Park S.C. (1997) *The Technopolis Plan in Japanese Industrial Policy*. Gothenburg: Vasastadens Bokbinderi.

- Park S.H., Koo M.G. (2008) Forming a Cross-Regional Partnership: The South Korea-Chile FTA and its Implications. *Cross-Regional Trade Agreements: Understanding Permeated Regionalism in East Asia* (eds. S. Katada, M. Solis). Berlin: Springer, pp. 27–46.
- Petri P.A., Plummer M. (2014a) *ASEAN Centrality and the ASEAN – US Economic Relationship*. Honolulu: East West Center.
- Petri P.A., Plummer M. (2014b) Asia-Pacific Regional Integration: Economic Effects and Implications for the Global Trading System. *Econobrowser*, June 5. Available at: <http://econbrowser.com/archives/2014/06/guest-contribution-asia-pacific-regional-integration> (accessed 21 October 2016).
- Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F. (2012) The Trans-Pacific Partnership and Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment. *Policy, Analysis in International Economics Series*, no 98, p. 41. Washington D. C.: Peterson Institute for International Economics.
- Porter M. (1990) *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press.
- Sakong I., Koh Y.S. (2010) *The Korean Economy: Six Decades Growth and Development*. Seoul: Korea Development Institute.
- Solis M. (2013) South Korea's Fateful Decision on the Trans Pacific Partnership. *Policy Paper at Brookings*, no 31, September.
- Song Y.K. (2011) KORUS FTA vs. Korea – EU FTA: Why the Differences? *Academic Paper Series*, no 6 (5), pp. 21–32.
- Steven D., Wong C.M. (2014) *Emerging Regional Economic Landscape: The TPP & RCEP*. Paper Presented in a Conference Hosted by the Center for ASEAN Studies. Thammasat University with a Theme ASEAN: Emerging Global and Regional Player? July 7–8.
- Todaro M.P., Smith S.C. (2012) *Economic Development*. Boston: Addison-Wesley.
- UNCTAD (2010) *International Trade after the Economic Crisis*. New York: UNCTAD.
- UNCTAD (2010) *International Trade After the Economic Crisis: Challenges and New Opportunities*. New York: UNCTAD.
- Urata S. (2011) *Deflated Hopes for Japan Joining the TPP Negotiations*. East Asia Forum, January 18.
- World Bank (2010) *World Development Indicators 2010*. Washington D. C.: World Bank.
- World Bank (2012) *World Investment Report 2012*. Washington D. C.: World Bank.
- WTO (2008) *Policy Review of Korea*. Geneva: WTO.
- WTO (2009) *WTO News: Speeches – DG Pascal Lamy*, March 2.
- WTO (2012) *Policy Review of Korea*. Geneva: WTO.
- WTO (2015) *World Trade Report 2014*. Geneva: WTO.